

М. 1840. 2

Свящ. П. А. Алмазов

Александръ Ильичъ Бибииковъ
какъ маршалъ Большой Екатерининской Комиссии
(Историческій этюдъ).

Отд. оттискъ изъ VII вып. „Костромской Старины“).

Изд. Костромской Губернской ученой Архивной Комиссiи.

1923
917.3
1020
10117
1992
218.04170
1994
13/12

85
04
182

1956

Свящ. П. А. Алмазовъ.

ПРОВЕРЕНО
946
35.9/с у.
А-511

Александръ Ильичъ Бибииковъ,
какъ маршалъ Большой Екатерининской Комиссiи
(Историческiй этюдъ).

(Отд. оттискъ изъ VII вып. „Костромской Старины“).

Изд. Костромской Губернской ученой Архивной Комиссiи.

Костромская
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

КОСТРОМА.
Губернская Типографiя.
1909.

1959

АЛЕКСАНДРЪ ИЛЬИЧЪ БИБИКОВЪ,

какъ маршалъ Большой Екатерининской Комиссiи.

(Историческiй этюдъ).

Среди общественныхъ дѣятелей второй половины 18 вѣка не послѣднее мѣсто занимаетъ Александръ Ильичъ Бибиковъ, предѣдатель (маршалъ) Комиссiи для составленiя проекта новаго уложенiя (род. 1729 г., сконч. 1774 г.) Личность Бибикова для костромичей должна быть памятна потому, что самъ онъ былъ костромской дворянинъ и участвовалъ въ работахъ Екатерининской Комиссiи,—какъ выборный отъ Костромскаго дворянства, причемъ въ первомъ же общемъ собранiи депутатовъ былъ почтенъ званiемъ маршала Комиссiи.

Какъ извѣстно, Екатерининская Комиссiя никакихъ осязательныхъ результатовъ не дала въ смыслѣ привнесенiя въ государственную и общественную жизнь такого элемента, который былъ бы прямымъ слѣдствiемъ работъ Комиссiи; эта безрезультатность до нѣкоторой степени могла зависѣть, конечно, отъ личности маршала Комиссiи. Несмотря на полутравѣковой періодъ, отдѣляющiй наше время отъ знаменательныхъ 1767—68 г.г., увѣковѣченныхъ въ Русской Исторiи, личность А. И. Бибикова, какъ маршала Большой Екатерининской Комиссiи выяснена очень мало—въ томъ смыслѣ, что еще до сихъ поръ не опредѣлилась точка зрѣнiя на него, какъ дѣятеля, игравшаго первую роль въ сульбахъ Комиссiи. Изъ имѣющихся въ исторической литературѣ трудовъ по вопросу объ Екатерининской Комиссiи большинство полнымъ молчанiемъ обходятъ личность Бибикова; только двое историковъ-юристовъ—проф. Сергѣевичъ въ своемъ очеркѣ „Откуда неудачи Екатерининской Комиссiи“ („Вѣстн. Европы“ 1878 г.) и проф. Дитятинъ въ статьѣ „Екатерининская Комиссiя“ (статьи по исторiи русскаго права) даютъ мѣсто оцѣнкѣ дѣятельности Бибикова; но они до полной противоположности расходятся въ своихъ взглядахъ

на дѣятельность Бибикова въ отношеніи къ Комиссіи; насколько одинъ (Дитятинъ) является сторонникомъ его, настолько другой (Сергѣевичъ) упрекаетъ его во всѣхъ несчастіяхъ, обрушившихся на Комиссію. Поэтому принять взглядъ того или другого за истинный—безусловно нельзя. Почтенные историки въ своихъ работахъ пользовались однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, а потому ихъ разногласіе нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только тенденціозностью того и другого. Главнымъ пособіемъ для обоихъ историковъ при оцѣнкѣ дѣятельности Бибикова служили „Записки сенатора Бибикова о жизни и дѣяніяхъ А. И. Бибикова“, а затѣмъ уже и извѣстные труды г. Полѣнова (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества т.т. IV, VIII, XIV, XXXII, XXXVI и др.). Задача настоящаго очерка заключается въ томъ, чтобы освѣтить дѣятельность А. И. Бибикова, на основаніи выше названныхъ документовъ, *sine ira et studio*.

Дѣятельность Бибикова, какъ маршала Комиссіи, имѣетъ значеніе постольку, поскольку онъ справился съ возложенной на него задачей. Что же долженъ былъ сдѣлать онъ и что сдѣлалъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ параллельное разсмотрѣніе „Обряда управления Комиссіи о сочиненіи новаго Уложенія“, даннаго Екатериною II въ руководство маршалу, и дневныхъ записокъ, представляющихъ собою протоколы засѣданій Большаго собранія. Не касаясь статей „Обряда“, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ маршалу, мы приведемъ только тѣ, которыя относятся къ послѣднему всецѣло, опредѣляя его права и обязанности.

Разсматривать массу наказовъ, поступившихъ въ Комиссію, одному собранію было, конечно, очень трудно; необходимо было организовать частныя комиссіи, имѣющія вѣдать только одинъ опредѣленный кругъ дѣлъ. Въ ст.т. VI и VII „Обряда“ маршалу предписывается немедленно по его избраніи организовать нѣсколько такихъ комиссій: дирекціонную, юстицкую, отчинную, комиссію для разсмотрѣнія судебныхъ, до торговли касающихся, земледѣльческихъ, деревенскихъ, о сохраненіи лѣсовъ, городскихъ, полицейскихъ и прочихъ разныхъ законовъ, обрядовъ и указовъ. Т. обр. маршалу тотчасъ по вступленіи въ должность надо было проявить организаторскія способности. Какъ же справился съ этой задачей Бибиковъ? Въ засѣданіи 7 августа 1767 года

онъ говорилъ вступительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ слѣдующія, достойныя челоѣка, понимающаго величіе дѣла, слова: „Должны мы въ непремѣнный долгъ себѣ поставить всеуслышное о томъ приложить тщаніе, чтобы колько возможно преуспѣвало толь спасительное о насъ и о потомкахъ нашихъ намѣреніе вседражайшей нашей Государыни. Докажемъ горячую и истинную ко благу общему ревность“..... И эти слова не были только фразой. Въ томъ же засѣданіи маршалъ немедленно приступилъ „на основаніи ст. VI „Обряда“ къ организациі Дирекціонной Комиссіи; въ слѣдующихъ засѣданіяхъ рѣшался вопросъ и объ остальныхъ комиссіяхъ.

Маршалъ долженъ быть душой дѣла, возложеннаго на Комиссію: отъ вѣрнаго пониманія маршаломъ своей задачи зависитъ успѣхъ Комиссіи—такъ можно формулировать сущность X—XIII, XVII, XVIII, XXI и XXIX ст. ст. „Обряда“. Дѣйствительно, по мысли Императрицы, маршалъ долженъ былъ въ Комиссіи нести роль не только регулятора, упорядочивающаго внѣшнюю сторону дѣйствій Комиссіи, но и быть ея окомъ, сердцемъ и языкомъ. Маршалъ долженъ былъ направлять дѣйствія Комиссіи по тому пути, который предносился уму Императрицы и правильнымъ пониманіемъ дѣла осуществлять идею—сохраненія цѣлости Имперіи черезъ добронравіе, народное благополучіе и челоѣколюбивые законы“. Бибиковъ въ данномъ случаѣ не оправдалъ надежды Государыни: онъ какъ будто односторонне понялъ свою задачу—именно въ смыслѣ только полицейскомъ. Несмотря на значительное количество (свыше 200) засѣданій Комиссіи, активное участіе маршала въ ея работахъ очень незначительно. Просматривая дневныя записки Большой Комиссіи, мы въ концѣ почти каждой изъ нихъ встрѣчаемъ только стереотипное выраженіе: „засѣданіе кончилось въ такое-то время, съ объявленіемъ, что оно будетъ и завтра“—выраженіе неизмѣнно принадлежавшее маршалу.

Ст. X Обряда гласитъ: „Въ большомъ собраніи маршалъ велитъ по своему усмотрѣнію читать тѣ законы, въ поправленіи коихъ болѣе состоитъ нужды по правиламъ большаго Наказа, и о которыхъ болѣе въ прошеніяхъ и наказахъ депутатскихъ представляется“..... Самымъ большимъ зломъ, волновавшимъ какъ Екатерину II, такъ и наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей, было, конечно, крѣпостничество; бя-

глава и ст. 270—280 Большого Наказа весьма подробно трактуют о томъ злѣ, которое влечетъ за собою подчинение крестьянъ помѣщикамъ и (мысль Екатерины объ освобожденіи, или, по крайней мѣрѣ, объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ красной нитью проходить чрезъ указанные пункты Наказа) сами депутаты это хорошо видѣли (напр., кромскій депутатъ Татищевъ. См. дн. зап. 17 сент.). Этимъ самымъ уже опредѣлялся ходъ занятій Комиссіи, которая должна была придти къ такому или иному *окончательному* рѣшенію вопроса о положеніи крестьянъ. Но благія намѣренія такъ и остались таковыми. Правда, значительное количество засѣданій Комиссіи было посвящено обсужденію быта крѣпостныхъ крестьянъ; среди депутатовъ, обсуждавшихъ этотъ вопросъ, были, конечно, и сочувствовавшіе крестьянскому горю; были и такіе, которые просили непременно сохранить крестьянъ за помѣщиками, а нѣкоторые настаивали даже и на правѣ купцовъ имѣть своихъ собственныхъ крестьянъ. Мнѣнія т. обр. раздѣлились. Разумѣется, въ данномъ случаѣ слово маршала, какъ представителя царской власти, имѣло бы большое значеніе и, несомнѣнно, рѣшающимъ образомъ повліяло бы на занятія Комиссіи, тѣмъ болѣе, что маршалу предоставлялось право (ст. XIII Обряда) подводить дѣло именно подъ свой уголь зрѣнія—каковымъ въ данномъ случаѣ для него должна быть воля Императрицы. Не хотѣлъ ли Бибииковъ воспользоваться своимъ правомъ (а это можно предполагать, такъ какъ самъ онъ владѣлъ большими имѣніями) или же не сумѣлъ воспользоваться—трудно рѣшить. Но что онъ ни одного шага не сдѣлалъ ни за, ни противъ предложеннаго Комиссіи крестьянскаго вопроса, это видно изъ дневныхъ записокъ. Мы даже имѣемъ основаніе предполагать, что Бибииковъ находилъ разсмотрѣніе вопроса о крестьянахъ матеріею скучною или, по крайней мѣрѣ, несвоевременною: когда вниманіе депутатовъ было достаточно утомлено перечнемъ нуждъ, о которыхъ заявляли Каргопольскіе крестьяне, а также ясачные—Казанскаго уѣзда и государственные—области Исетской, Бибииковъ въ 21 засѣданіи (11 сент. 67 г.) предложилъ собранію прервать чтеніе крестьянскихъ наказовъ и приступить къ обсужденію правъ благородныхъ. Авторъ дневной записки 11 сентября прибавляетъ, что „Большая Комиссія депутатскіе наказы отъ крестьянъ уже болѣе не разсматривала“.

Къ законамъ о правахъ дворянства Бибииковъ былъ внимательнѣе и не прерывалъ чтенія ихъ до тѣхъ поръ, пока въ преніяхъ не были исчерпаны всѣ прерогативы дворянскаго сословія. Однако, необходимо отмѣтить ту корректность, которую Бибииковъ проявилъ при обсужденіи этого щекотливаго вопроса. Конечно, можно поставить ему въ вину его непрерывное молчаніе—большее, чѣмъ при обсужденіи крестьянскихъ наказовъ, но его голосъ едва ли и былъ нуженъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ читатель дневныхъ записокъ Комиссіи можетъ только удивляться той скрупулезности и мелочности, съ какою депутаты—дворяне рылись въ сокровищницѣ дворянскихъ привилегій, стараясь найти хоть что нибудь, позволявшее смѣшивать дворянина съ человѣкомъ „средняго рода“. Бибииковъ своимъ молчаніемъ лишь отвлекъ отъ себя всякую тѣнь подозрѣнія въ узкости общественныхъ—сословныхъ взглядовъ и показалъ, что онъ, какъ маршалъ Комиссіи, стоитъ выше личныхъ интересовъ.

Поставляя Бибиикову въ вину его молчаніе при рѣшеніи вопросовъ, возбуждаемыхъ Комиссіею, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онъ совершенно пассивно относился къ разсужденіямъ депутатовъ. Слѣдующій фактъ, незамѣченный почему-то въ исторической литературѣ по данному вопросу, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о пониманіи Бибииковымъ того, что подлежало компетенціи депутатовъ и что было внѣ ея. При обсужденіи правъ благородныхъ былъ поставленъ на очередь вопросъ: можетъ ли дворянинъ самовластно измѣнять положеніе своихъ крестьянъ—давать имъ вольную. Депутатъ отъ кромскихъ дворянъ Лука Татищевъ высказалъ, между прочимъ, что „сія статья подастъ случай дворянамъ показать, сколь они своею пользою—государственной служить..., что Ея Императорсксе Величество такъ изволить и на то Ея есть воля, чтобы крестьяне были свободны“. „Въ самое то время, читаемъ въ дневной запискѣ, господинъ маршалъ перебилъ ему рѣчь и сказалъ, что онъ удалился отъ матеріи.... господинъ депутатъ не долженъ полагать на сіе Высочайшую Ея Величества волю, ибо гдѣ есть монаршее соизволеніе, тутъ господа депутаты разсуждать и власти не имѣютъ, а сей проектъ еочиненъ и предлагается отъ частной Комиссіи, о которомъ господа депутаты разсуждать власть имѣютъ“ (дн. зап. 17 сент. 1768 г.).

Есть и другіе факты, свидѣтельствующіе, что со стороны маршала были принимаемы мѣры къ тому, чтобы залъ для засѣданій Большой Комиссіи былъ не только „читальнею и говорильнею“, а и мѣстомъ для живого обмѣна мыслей—направленнаго къ самому существу дѣла.

Согласно ст. XIII Обряда управления Комиссіею, маршалъ обязанъ былъ каждый вопросъ, возбужденный въ собраніи, исчерпывать до конца, въ случаѣ же неясной постановки вопроса—формулировать его точнѣе и при томъ въ такой категорической формѣ, чтобы на него возможенъ былъ только отвѣтъ—да или нѣтъ. Спорные вопросы должны были рѣшаться путемъ баллотировки и пр.... Дневныя записки намъ не говорятъ ни объ одномъ такомъ случаѣ, гдѣ были бы маршаломъ примѣнены эти мѣры, хотя поводовъ къ такой постановкѣ дѣла представлялось много. Почему маршалъ не пользовался въ этихъ случаяхъ данною ему властью—объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а пока обратимся къ положительной дѣятельности Бибикова.

Выше мы говорили, что Бибиковъ понялъ свое назначеніе—какъ маршала Комиссіи—односторонне, именно въ смыслѣ наблюденія надъ выполненіемъ предписаній Обряда касательно внѣшней стороны Комиссіонныхъ занятій. Да это и вполнѣ возможно, такъ какъ Обрядъ управления Комиссіею, какъ инструкция для маршала, трактуетъ объ инспекторскихъ обязанностяхъ маршала гораздо болѣе и подробнѣе, чѣмъ о его вліяніи на самое существо дѣла: ст. т. V—IX, XI, XIV—XVII, XX—XXII, XXV—XXVII въ особенности, XXVIII и XXIX Обряда (всѣхъ статей 31) говорятъ исключительно о тѣхъ мѣрахъ, какія долженъ принимать маршалъ для того, чтобы собранія депутатовъ съ внѣшней стороны походили на собранія людей, вѣдающихъ и рѣшающихъ судьбы отечества. О другой цѣли учрежденія маршальской должности говорится весьма сжато и какъ будто лишь вскользь. Естественно, что маршалу ничего не оставалось дѣлать, какъ только наблюдать за выполненіемъ ритуала, которымъ Екатерина II обставила депутатскія собранія. Съ этой задачей Бибиковъ справился какъ нельзя лучше. Конечно, было бы странно ставить ему въ заслугу соблюденіе внѣшняго порядка засѣданій, а тѣмъ болѣе снимать за это съ него отвѣтственность за промахи въ болѣе важныхъ вещахъ:

однако, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, приводимыхъ дневными записками, съ достаточною вѣроятностью можно предполагать, что маршалъ путемъ приученія депутатовъ къ соблюденію внѣшняго порядка засѣданій хотѣлъ обезпечить большую содержительность и успѣшность работы Комиссіи. Не разъ было замѣчено, что депутаты во время засѣданій позволяли себѣ громкій разговоръ и вообще довольно непринужденное поведеніе, что не могло, конечно, не отразиться и на ходѣ дѣла, такъ какъ едва ли могли представлять себѣ предметъ рѣчи тѣ, которые не слышали чтеніе различныхъ наказовъ. Маршалъ обращалъ на это свое вниманіе и послѣ одного изъ такихъ случаевъ предложилъ выслушать чтеніе наказовъ вторично—той стороной, въ которой накануне это чтеніе не было слышно (дн. зап. 12 засѣд.). Такая мѣра со стороны маршала вела къ яснѣйшему представленію депутатами сущности разбираемаго вопроса.

Итакъ, въ области необходимаго—того, что долженъ былъ сдѣлать маршалъ *согласно данной ему инструкціи*, Бибиковъ большую часть выполнилъ, или, по крайней мѣрѣ, прилагалъ свои силы къ выполненію этого. Посмотримъ, что *могъ* сдѣлать онъ, не выходя за предѣлы своихъ полномочій.)

Г. Сергѣевичъ справедливо говоритъ, что Комиссіею, или вѣрнѣе маршаломъ, не былъ выработанъ никакой опредѣленный планъ занятій и обвиняетъ Бибикова въ томъ, что онъ предложилъ вниманію Комиссіи сырой матеріалъ, каковой представляли изъ себя депутатскіе указы, тогда какъ, согласно XI ст. Обряда, для разбора и систематизаціи этого матеріала должна быть организована особая частная комиссія и т. д.... (Вѣстн. Евр. 1878 г. т. 1, стр. 232—233). Согласимся, что занятія большой комиссіи шли безпорядочно—безъ всякой системы: но чтеніе сырого матеріала, предложенное Большой Комиссіи было небезполезно по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ—пока была бы организована спеціальная Комиссія для систематизаціи наказовъ, пока она разобрала бы весь матеріалъ и привела его въ систему—прошло бы очень много времени и т. о. большому собранію пришлось бы бездѣйствовать; во-вторыхъ—большое собраніе, не тѣряя этого времени, имѣло возможность ближе познакомиться съ самыми наказами, а не съ экстрактомъ изъ нихъ, и намѣтить пункты,

требовавшие разсмотрѣнія. Во всякомъ случаѣ,—такая Комиссія, специально вѣдающая и систематизирующая наказы, должна была организоваться задолго до созванія Большой Комиссіи—во избѣжаніе напрасной проволочки времени.

Конечно, Комиссія для разбора наказовъ не была бы все-таки излишнею и при начавшихся уже засѣданіяхъ Комиссіи Большой, но... не надо забывать, что послѣдняя была еще первымъ опытомъ въ этомъ родѣ.

Екатерининская Комиссія въ своихъ занятіяхъ не пришла ни къ какому опредѣленному, окончательному выводу, и г. Сергѣевичъ вину въ этомъ возлагаетъ исключительно на Бибикува: „маршалу, говоритъ онъ, надо было не выслушивать только примѣчанія, а вывести изъ нихъ вопросъ и поставить его собранію для рѣшенія. А. И. Бибикувъ во всѣ 60 засѣданій (первый періодъ засѣданій Комиссіи) не поставилъ ни одного вопроса по существу дѣла и не произвелъ ни одного голосованія (ibid, 233)“. Конечно, маршалъ долженъ былъ резюмировать, а не выслушивать только мнѣнія депутатовъ; но какъ онъ могъ это сдѣлать, когда по тому или иному пункту наказа депутаты высказывали такія вещи—и относящіяся къ дѣлу и не относящіяся, что трудно иногда было и понять, о чемъ идетъ въ данную минуту рѣчь; это прекрасно замѣтилъ и г. Сергѣевичъ. Насчитывая своихъ членовъ нѣсколькими сотнями, Комиссія представляла изъ себя что-то до чрезвычайности пестрое. Депутаты, съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ обширной Руси, мало подходившіе другъ къ другу по своимъ нравственнымъ понятіямъ и умственному развитію, нѣкоторые, можетъ быть, впервые выступавшіе въ роли отвѣтственнаго представителя родного города или уѣзда, а нѣкоторые—и едва сознававшие важность момента—эти господа депутаты во всей своей массѣ едва ли были тѣмъ собраніемъ, въ которомъ возможна скорая, точная и безусловная формулировка вопроса. Не къ самому ли собранію и относились тѣ слова Бибикува, высказанныя имъ въ письмѣ къ нашему послу въ Даніи М. М. Философову, которыя вызвали со стороны послѣдняго такой отвѣтъ: „подлинно правду говоришь, что ты по своему дѣлу въ пучинахъ и пропастяхъ океана возвращаешься“... Дѣйствительно, опасный, невѣдомый океанъ представляло изъ себя огромное собраніе

депутатовъ, очень странное для того, чтобы изъ него могло выйти что нибудь серьезное, отвѣчающее нуждамъ государства и цѣлямъ Императрицы.

Перейдемъ къ вопросу, какъ смотрѣлъ самъ Бибикувъ на свою роль и какъ къ ней отнесся. Предполагать, что онъ прямо-таки не понималъ ея, или же, хотя и понималъ всю ея трудность, но не отказался отъ нея изъ тщеславія—будетъ, думаемъ, не исторично. Съ одной стороны—онъ былъ человѣкъ довольно умный для того, чтобы понимать должность маршала въ смыслѣ только замѣщенія почетнаго предсѣдательскаго кресла; съ другой—предшествующія работы Бибикува показываютъ, что онъ не лишень былъ такта и умѣнья ставить дѣло на надлежащую почву. Далѣе—невѣроятно и то предположеніе, будто Бибикувъ, „желая подвигаться по столь легкой для него служебной дорогѣ, счелъ неудобнымъ отказываться отъ лестнаго порученія“. Едва ли это такъ. Вѣдь зналъ, вѣроятно, Бибикувъ, что созваніе Комиссіи—событіе, которое непременно будетъ достояніемъ исторіи; зналъ, что всѣ дѣйствія ея членовъ будутъ подвержены критикѣ потомства: ужели же онъ былъ настолько легкомысленъ и гонялся за мимолетной славой, что на всѣ эти соображенія отвѣчалъ равнодушіемъ. Гораздо правдоподобнѣе будетъ предположеніе, что Бибикувъ понималъ трудность возлагаемой на него задачи и надѣялся ее осуществить—при добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей депутатами; когда же онъ увидѣлъ, что это разнокалиберное собраніе неизвѣстныхъ другъ другу людей совершенно неспособно повести дѣло такъ, какъ оно предносилось уму Екатерины; когда Бибикувъ понималъ, что вести занятіе Комиссіи къ выработкѣ точныхъ законовъ—значитъ идти противъ рожна: тогда онъ счелъ за лучшее ограничиться лишь надзоромъ за соблюденіемъ внѣшней благопристойности депутатскихъ собраній, надѣясь этимъ путемъ придти къ чему-нибудь. Это послѣднее ему удалось отчасти, хотя онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что отъ него требовалось и не его вина, если Екатерининская Комиссія оказалась лишь „комедіей, устроенной Екатериной для собственной забавы“.

С. П. А.

